

Научная статья
УДК 821.19
doi: 10.17223/19986645/93/10

Следы культа бога Тира в армянских средневековых айренах

Вано Альбертович Егиазарян^{1,2}, Тадевос Вруйрович Тадевосян³

¹ *Институт литературы НАН РА, Ереван, Армения*

^{2,3} *Ванадзорский государственный университет им. О. Туманяна, Ванадзор, Армения*

^{1,2} *vano.exiazaryan@mail.ru*

³ *tadevosyantad8@gmail.com*

Аннотация. Изучение айренов с фольклорной точки зрения долгое время игнорировалось, так как они ошибочно приписывались Наапету Кучаку. В статье впервые проанализированы пережитки армянского мифологического мышления в народно-гусанских стихотворных циклах айренов, в частности те пласты, которые связаны с культом бога Тира. Следы культа бога Тира свидетельствуют о том, что раннесредневековые гусанские песни проникли из аристократических кругов в городскую среду и продолжали там бытовать в устной форме.

Ключевые слова: айрены, приписываемые Кучаку, культ Тира, варианты айренов, редакции айренов, средневековая рукопись

Для цитирования: Егиазарян В.А., Тадевосян Т.В. Следы культа бога Тира в армянских средневековых айренах // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2025. № 93. С. 195–205. doi: 10.17223/19986645/93/10

Original article
doi: 10.17223/19986645/93/10

Traces of Tir's cult in medieval hayrens

Vano A. Yeghiazaryan¹, Tadevos V. Tadevosyan²

¹ *NAS RA Institute of Literature, Yerevan, Armenia*

^{2,3} *Vanadzor State University, Vanadzor, Armenia*

^{1,2} *vano.exiazaryan@mail.ru*

³ *tadevosyantad8@gmail.com*

Abstract. The article reveals traces of Tir's cult in hayrens attributed to Nahapet Kuchak. The aim of the article is to substantiate their gusan-folk origin with the help of layers of ancient beliefs and hayren versions. The research is relevant since it reveals the traces of ancient beliefs in hayrens and their versions and variants. In the research, we used the professional method of hermeneutics. The scientific novelty of the article is the discovery of the traces of Tir's cult in the hayrens. The traces of Lord Tir's cult expressed in the discussed hayrens prove that the ancient medieval gusan songs passed from the noble environment to the urban environment and became an integral part of citizens' parties and feasts as well as of gusan-folk songs that appeared with variants and modifications. Later, in the 14th–18th centuries, those sets of hayrens were written

down in medieval manuscripts, in which Nahapet Kuchak was not mentioned as an author, to whom the rich song world of the hayrens was mistakenly attributed.

Keywords: hayrens attributed to Nahapet Kuchak, Tir's cult, version of hayren, sets of hayrens in medieval manuscripts

For citation: Yeghiazaryan, V.A. & Tadevosyan, T.V. (2025) Traces of Tir's cult in medieval hayrens. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 93. pp. 195–205. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/93/10

Долгое время в арменоведении существовало заблуждение, которое отчасти продолжает сохраняться до настоящего времени, связанное с тем, что армянские народно-гусанские айрены приписываются Наапету Кучаку. Автором этого ошибочного мнения был Архимандрит Аристакес Тевканц [1]. Этому недоразумению способствовали сначала исследование Аршака Чобаняна [2], а впоследствии работы Аветика Гукасяна [3. С. 3–35], Мкртича Мкряна [4. С. 464–476] и др.

Хотя многие арменоведы (М. Абемян [5], Ас. Мнацаканян [6. С. 234–257; 7. С. 96–126; 8. С. 8–40], О. Еганян [9], П. Севак [10. С. 110], С. Арутюнян [11. С. 172–173; 12. С. 153–168], Ш. Григорян [13; 14; 15. С. 231–246; 16. С. 76–102], Х. Амирян [17], П. Хачатрян [18], В. Егиазарян [19–21]), признавая Кучака ашугом, не считают его автором айренов, однако, айрены продолжают переводиться на разные языки мира и распространяться как индивидуальные сочинения Наапета Кучака (в частности, и для русскоязычного читателя они известны под его именем [22–24]).

А. Мнацаканян в своей книге «Айрены», опубликованной еще в 1995 г., делит все айрены на три группы в зависимости от их авторского происхождения: народные, народно-гусанские и индивидуальные [25. С. 9]. В данном случае мы рассматриваем народно-гусанские айрены, в которых сохранились следы поклонения богу Тиру. Пережитки почитания Тира как отголоски мифологического мышления свидетельствуют о древнем народно-гусанском происхождении указанных айренов, тем самым обосновывая достоверность теории А. Мнацаканяна.

Изучение айренов в арменоведении проводилось в основном в филологическом направлении, при этом их исследование с фольклорной точки зрения игнорировалось. В данной статье впервые проводится анализ пережитков культа бога Тира, что является новым словом в области изучения айренов.

В айренах, помимо всего прочего, нашли отражение армянские языческие верования, согласно которым верховный бог Арамазд, создатель неба и земли, назначил бога Тира своим посланником и секретарем, доверив ему покровительство литературе, красноречию, наукам, образованию и искусствам. Тир считался также предсказателем и толкователем сновидений, записывающим добрые и злые поступки людей.

Имя Тира единственный раз засвидетельствовано в «Истории Армении» (V в.) Агатангелоса, в которой указано, что «Тир – писец жреческих знаний, сновидец и толкователь сновидений» [25. С. 404]. Следовательно, функции

Тира связаны с предсказанием будущего и с верой в судьбу, что сближает его с Грохом – ангелом судьбы и смерти. В то же время Тир забирает души усопших в царство мертвых и отводит их «за пазуху» Гроха в сопровождении Нинджа (Дрёмы), который был братом-близнецом Куна (Сна). Согласно этому поверью тот, кто уходит «за пазуху» Гроха, записывается в счетной книге Гроха. Тир является также покровителем литературных произведений, и одиннадцать месяцев в году он впрыскивает лимфу сотворения в сочинителей, а один месяц в году – записывает дни рождения и смерти людей [25. С. 391–401].

Как уже отмечалось, одной из функций Гроха была запись в особой счетной книге добрых и злых поступков человека. Другая функция Гроха связана с верой в судьбу, когда он по приказу верховного бога Арамазда писал на лбу новорожденного основные перипетии его жизни, связанные прежде всего с бракосочетанием и смертью. Здесь Грох выступает как писец, реализующий высшую божественную волю. Позже к Гроху как к персонажу, связанному с царством мертвых, перешла и функция «ангела смерти». Обобщая различные данные и мифологические представления о Грохе, можно прийти к выводу, что имя «Грох», исходя из его армянской семантики («Грох» по-армянски буквально означает «писец», «писарь», «писатель»), связано с письменностью, которую следует считать его исконным значением. Вполне возможно, что «Грох» изначально было не личным именем этого мифологического персонажа, а лишь титулом или эпитетом: именно под этим табуированным онимом он и сохранился в истории [25. С. 405]. До сих пор в армянском языке широко употребляются проклятия, в которых упоминается «Грох», например: «Пусть возьмет тебя Грох»; «Грох и болзни тебе»; «Чтобы ты стал долей Гроха» и т.д.

Как известно, в эллинистический период Тир отождествлялся с греческими богами Аполлоном и Гермесом. В основе этого уподобления, естественно, лежит общность функций этих богов. Аполлон обладал различными функциями: он сын Зевса и пророк-оракул, покровитель искусств и мудрости, дух смерти и одновременно целитель болезней и противник зла, повелитель жизни и смерти. Гермес – вестник богов, покровитель путешественников, проводник душ умерших и также, как и Аполлон, сын Зевса. С золотым посохом в руке, с помощью которого он усыплял или пробуждал людей, Гермес выполнял одну из своих самых важных и архаичных функций: сопровождал души умерших в Аид. Золотой посох Гермеса напоминает огненно-зеленые или разноцветные розги Гроха, которыми он бил людей и вызывал различные болезни. Вместе с тем Грох являлся и персонификацией этих болезней [25. С. 406].

Постепенно функции Тира, связанные с письмом, искусством и божественными пророчествами, нивелируются и переносятся на других мифологических персонажей, в частности на Карапета. А за Тиром закрепляется в основном функция похитителя душ, насылающего болезни и смерть, что окончательно сближает его с Грохом. В армянском языке сохранилась пословица: «В год Тира Пасхи не будет» – под «годом Тира» здесь имеется в

виду «год эпидемии», т.е. во время массовых заболеваний и смертей отмечать праздник Пасхи будет невозможно [25. С. 407].

Что касается Карапета, то еще в дохристианский период (после принятия христианства Карапет стал отождествляться с Иоанном Крестителем) он был связан как с культом Тира, так и с греческими богами Аполлоном и Гермесом: под их влиянием Карапет стал восприниматься как покровитель наук, мудрости, музыки, поэзии, спортивных состязаний. Имя «Карапет», имевшее, по-видимому, древнее сакральное значение (буквально – «предводитель певцов») в дальнейшем в результате расширения семантики получило дополнительный смысл – «первопроходец», «проводник».

Карапет не только наделял людей музыкальными и поэтическими способностями, но и покровительствовал борцам-пахлеванам и канатоходцам. Будущих борцов-пахлеванов и канатоходцев еще в детстве Карапет несколько раз посещал во сне и рассказывал им об их предназначении. Если родители этих детей не обращали внимания на наставления Карапета, то он во сне являлся им и грозил их ослепить, если они не помогут своему ребенку достичь намеченной цели. Каждый канатоходец перед восхождением на канат, каждый борец перед поединком возносил особую молитву Карапету [25. С. 152–153].

В классический период Аполлон воспринимался как покровитель искусств и художественного вдохновения, равно как и Карапет в позднесредневековой Армении. Некоторыми своими чертами и функциями Карапет напоминает Гермеса. Подобно Гермесу, Карапет является посредником между людьми и богами, вестником богов, передает человеку божественную волю через сны. Гермес охраняет героев во время их странствия на чужбине, точно так и Карапет оберегает скитальцев-пандухтов.

После упрочения христианства в Армении на месте капища бога Тира была воздвигнута церковь святого Карапета, к которому перешли также функции покровителя искусств. Любовно-эротическое содержание народного песенно-поэтического творчества гусанов связывалось прежде всего с именем покровителя искусств бога Тира и его позднейшего функционального «двойника» – святого Карапета.

Здесь мы рассмотрим несколько айренов, в которых заметны следы поклонения богу Тиру, что еще раз доказывает народно-гусанское происхождение айренов.

Пусть на этом свете разрушится дом Гроха,
Взял бы искорку огня и сжег бы я этот дом,
Каждый год в это время, кого я люблю, того забирает к себе,
Я боюсь, что однажды он возьмет меня, я излагаю его мысли¹.

Единственный вариант этого айрена сохранился в рукописи № 671, написанной до 1668 г., из Книгохранилища венской Конгрегации Мхитаристов.

---

¹ Здесь и далее подстрочный перевод выполнен авторами статьи.

Лирический герой айрена восстает против смерти, проклинает «дом Гроха», желает его уничтожить искрой огня, ведь каждый год в одно и то же время Грох – дух смерти – уносит того, кого любит герой. Можно предположить, что в строке *«Каждый год в это время, кого я люблю, того забирает к себе»* сохранились отголоски культа умирающего и воскресающего бога, который в армянской мифологии иногда отождествлялся с Тиром и выступал как покровитель осенних посевов, что связано с представлением о семенах, уходящих в преисподнюю, где они «погибают» осенью и «воскресают» с приходом весны.

В конце айрена выражен внутренний страх лирического героя, который трепещет от мысли, что Грох может забрать его к себе «за пазуху». Выражение, связанное с тем, что Грох забирает к себе, является аллегорическим переосмыслением функций бога Тира – владыки загробного царства.

Вера в существование «пазухи Гроха» и проживание там после смерти нашла отражение в данном айрене в аллегорическом образе «дом Гроха». Заключенные в айрене скрытые аллюзии языческих верований, которые связаны с древним мифологизированным мышлением и почитанием бога Тира, вместе с уменьшительно-ласкательным словом «искорка» и звучащим в айрене проклятием свидетельствуют о народно-гусанском происхождении этого четверостишия.

Еще в 2007 г. В. Егиазарян, проанализировав весь корпус сохранившихся айренов, выделил основные жанровые особенности этой формы лирических произведений.

1. Айрен – это пятнадцатисложное стихотворение, состоящее из семи- и восьмисложных полустроков, которое построено по силлабо-тоническому принципу и имеет ямбо-анапестную структуру, т.е. в каждой строке ударными оказываются 2, 5, 7, 10, 12, 15-й слоги.

2. Зарифмованы все 15 слогов.

3. Каждая строфа айрена может состоять из 2–10 строк, но, как правило, бывает восьмистрочной.

4. Для айренов характерным является объединение в стихотворные циклы.

5. Айрены исполнялись под определенную мелодию [19].

Это устойчивые и повторяемые литературные и экстралитературные особенности, которые являются общими для всех айренов. Руководствуясь этими и другими литературными и экстралитературными особенностями, В. Егиазарян выделил 25 поджанров айренов: любовные айрены, айрены-проклятия, айрены-наставления, айрены-мольбы, айрены-колыбельные, скорбные айрены, айрены-признания, айрены-пожелания, айрены-кафы, айрены-жалобы, айрены-загадки, айрены-эпитафии, айрены-колофоны, айрены-представления, айрены-молитвы, айрены-гадания (исполнялись во время праздника Вознесения), хвалебные айрены, айрены-некрологи, айрены-плачи, айрены «розы и соловья», айрены-эпиталамы, айрены-раздумья, айрены скитальцев-пандухтов, духовные айрены, айрены-мечтания [19].

Отметим, что в данном случае мы рассматриваем айрены, которые начинаются с формул проклятия.

Приведем еще один айрен, в котором сохранились отголоски культа Тира:

– Я, праздный, пришел к твоей двери в эту нескончаемую бессонную ночь,
Либо возьми меня в свои объятия, чтобы я уснул, либо прикажи мне:
«Уходи!»

– Как мне сказать: «Уходи?» Сердце храбреца останется со мной,
Зайди, позволь мне обнять меня, я расстелю постель на моей груди,
Из объятий сделаю для тебя стол, а грудь моя станет подушкой, а лицо твое
будет покоиться на ней,

Я застегну на тебе свою пуговицу, и твое дыхание вознесется с моей груди.

– Возьмешь человеческую душу, и причиной станет Грох.

Айрен содержится в рукописи № 10208, написанной после 1672 г., и хранится в Матенадаране имени Маштоца, другой вариант этого айрена содержится в манускрипте-песеннике № 9597, написанном позже, в 1706 г.

Между прочим в «Килисском сборнике песен» под заголовком «Айрены о любви, написанные ашугами» вариант данного айрена в виде отдельного стихотворения был включен в состав диалога, произнесенного от имени женщины. Причем этот диалог отличается неравномерностью и подвижностью строк и строф, что в очередной раз свидетельствует о народно-гусанском происхождении айренов.

Зайди, позволь мне обнять тебя, я расстелю постель на моей груди,
Из объятий сделаю для тебя стол, а грудь моя станет подушкой, а лицо твое
будет покоиться на ней,
Пуговики туго застегну,
И душа твоя выпорхнет из моих объятий.

Ранее мы рассматривали этот айрен как отдельную песню и пришли к выводу, что «данный айрен однозначно является песнью наслаждения из женского репертуара, в которой она непринужденно и откровенно приглашает своего возлюбленного в свои объятия, обещает расстелить на груди постель, увенчанную подушками» [19. С. 223].

Как уже было отмечено, есть «айрены-диалоги, в которых вопрос задает мужчина, а ответ, разумеется, дается от лица женщины» [19. С. 215]. В данном случае айрен построен в форме диалога юноши и девушки, что является красноречивым фактом участия женщин-гусанов в исполнении айренов. Так, юноша обращается к любимой девушке и признается, что, слоняясь без дела, он пришел к ее двери в эту «нескончаемую и бессонную» ночь и предлагает ей либо принять его в свои объятия, либо прогнать его.

На вопрос юноши девушка отвечает, что даже если она прогонит его, все равно «детское» сердце любвеобильного юного смельчака останется с ней, так что пускай приходит, она обнимет его, постелит постель на груди, затем в порыве наслаждения и страсти накроет на груди стол (понятно, о каких

яствах идет речь), а соски превратятся в подушки, на которых будет покоиться лицо возлюбленного, помимо этого, туго застегнет пуговицы, чтобы дыхание трепетало в груди, доставив тем самым ему удовольствие. Между тем юноша в ответной реплике утверждает, что таким поведением она может задушить его и забрать душу, а причиной, поводом и мотивом всего этого станет Грох.

Архаические представления о Грохе как о причине смерти восходят к культу бога подземного царства Тира, который сопровождает души усопших в загробный мир. Этот любовный айрен, пронизанный взаимной любовью и сладострастием, представляет собой дуэт, отмеченный высоким поэтическим воображением, а наличие вариантов, парафразы, неравномерности и подвижности строк и строф, употребление уменьшительно-ласкательных словоформ («пуговка»), упоминание Гроха как пережитка архаического культа Тира свидетельствуют о том, что этот айрен также имеет народно-гусанское происхождение.

Проанализируем еще один айрен, содержащий следы культа Тира:

Мир – зеленые луга, мы в нем птенцы куропаток.
А Грох все делит и забирает по одному наверх,
Брат, когда сядете за стол, позови другого друга.
Умрем, отправимся в тот мир, но сядем чуть повыше.

Айрен сохранился в рукописи № 30 из Палатской церкви Святых Архангелов и впервые был опубликован А. Мнацакяном. Другой вариант этого айрена напечатал Аристакес Тевканц в сборнике «Айрены, мелодии, стихотворения и песни».

В айрене-раздумии певец, стоящий на границе между этим и потусторонним мирами, воспринимает всю землю многоцветно в виде зеленых лугов, а людей – как куропаток, резвящихся на этих лугах. Этот художественный метод восприятия мира в целом не чужд поэтической картине айренов. При внимательном анализе можно заметить, что певцы айренов воспринимают и воспроизводят мир с помощью цветовых нюансов.

Однако Грох вносит разлад среди людей и по одному уносит их на тот свет. Как и в других проанализированных айренах, здесь также прослеживается связь с культом покровителя царства мертвых Тира, который сопровождал души усопших в загробный мир.

Признавая бренность человека в этом мире, певец айренов называет его братом и призывает во время застолья пригласить другого друга, чтобы на том свете он сидел на ступеньку выше. Следует отметить, что этот айрен имеет ряд вариантов, среди них можно выделить те произведения, центральным мотивом которых становится сюжет о приглашении нищего за стол, а Грох сравнивается с соколом, который по одному уносит мертвых в загробный мир. Айрен представляет собой скрытую аллегорию, связанную с культом Тира, который связан с мифологическим мышлением, а существование

вариантов в очередной раз подтверждает народно-гусанское происхождение айрена.

Примечательно, что первый из трех исследованных айренов – это айрен-проклятие, второй – любовный айрен в форме диалога, а третий – айрен-раздумье. Независимо от жанрового разнообразия этих айренов следы древнего поклонения богу Тиру сохранились во всех трех произведениях.

Выводы

В проанализированных айренах нами обнаружены следы почитания бога Тиры: это является доказательством того, что раннесредневековые гусанские песни проникли из аристократических кругов в городскую среду, став неотъемлемой частью застолий горожан. Имея устное живое бытование, эти народные песни подверглись определенным модификациям. Позднее, в XIV–XVIII вв., айрены были записаны в средневековые рукописи, но нигде в качестве автора не упоминается Наапет Кучак, которому ошибочно приписывается богатый народно-песенный мир айренов.

Список источников

1. *Տիկանց Ա.*, Հայերգ, մեղեդիք, տաղք և երգք, Թիֆլիս, 1882, 208 էջ (Тевканц А. Айрены, мелодии, стихотворения и песни. Тифлис, 1882. 208 с.) (на арм. яз.).
2. *Չոպանյան Ա.*, Նահապետ Քուչակի դիվանը, Փարիզ, 1902, 206 էջ (Чобанян А. Сборник Наапета Кучака. Париж, 1902. 206 с.) (на арм. яз.).
3. *Նահապետ Քուչակ*, Հայրենի կարգավ, Երևան, Հայպետհրատ, 1957, էջ 3-35 (Наапет Кучак. Айрены. Ереван : Айпетрат, 1957. С. 3–35) (на арм. яз.)
4. *Մկրյան Ա.*, Նահապետ Քուչակ, տե՛ս Հայ մշակույթի նշանավոր գործիչները V-XVIII դարեր, Երևան, Երևանի համալսարանի հրատարակչություն, 1976, էջ 464-476 (Мкрян М. Наапет Кучак // Видные деятели армянской культуры V–XVIII веков. Ереван : Изд-во Ереван. ун-та, 1976. С. 464–476) (на арм. яз.).
5. *Աբեգյան Ա.*, Երկեր, հտ. Բ, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1967, 389 էջ (Абегян М. Труды. Т. 2. Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1967. 389 с.) (на арм. яз.).
6. *Մնացականյան Աս.*, Հայրենների և Նահապետ Քուչակի մասին, Պատմա-բանասիրական հանդես, Երևան, 1958, թիվ 2, էջ 234-257 (Мнацаканян А. Об айренах и Наапете Кучаке // Историко-филологический журнал. 1958. № 2. С. 234–257) (на арм. яз.).
7. *Մնացականյան Աս.*, Միջնադարյան սիրո հայրենների անդրանիկ ժողովածուն և հայրենների հարցը, տե՛ս Էջեր հայ ժողովրդի պատմության և բանասիրության, Երևան, ՀՍՍՀ ԳԱ հրատ., 1971, էջ 96-126 (Мнацаканян А. Первый сборник средневековых любовных айренов и проблема айренов // Страницы истории и филологии армянского народа. Ереван : Изд-во АН АрмССР, 1971. С. 96–126_ (на арм. яз.).
8. Հայրեններ, աշխատասիրությամբ՝ Ա. Շ. Մնացականյանի, Երևան, «Նաիրի», 1995, էջ 8-40 (Айрены / сост. А. Мнацаканян. Ереван : Наири, 1995. С. 8–40) (на арм. яз.)
9. *Եգանյան Օ.*, Նահապետ Քուչակի հայատառ թուրքերեն տաղերը, Բանբեր Մատենադարանի, թիվ 5, 1960, էջ 465-481 (Еганян О. Армянографические тюркские стихотворения Наапета Кучака // Вестник Матенадарана. 1960. № 5. С. 465–481) (на арм. яз.).

10. Միսիկ Պ., Սալաթ-Նովա, Երևան, Սովետական գրող, 1987, էջ 110 (Շեքոն Ս. Տադ-Նովա. Երևան : Տով. քսադեղ, 1987. Տ. 110) (նա արմ. յա.)
11. Հարությունյան Ս., Նահապետ Քուչակ, տե՛ս Հայկական սովետական հանրագիտարան, հտ. 8, Երևան, Հայկական ՍՍՀ Մինիստրների սովետի հրատարակչություն, 1982, էջ 172-173 (Արություն Տ. Նապետ Կուչակ // Արմանիկա Տովետիկա Ենցիկոպեդիա. Տ. 8. Երևան : Իզդ-վո Տովետա Մինիստրոն ԱրմՏՏՐ, 1982. Տ. 172-173) (նա արմ. յա.)
12. Հարությունյան Ս., Հարենների ինդիքը և Ասատուր Մնացականյանի գիտական նոր համահավաքը, Պատմա-բանասիրական հանդես, 1996, թիվ 1-2, էջ 153-168 (Արություն Տ. Քրոբլեմա աւրենոն և նովոն ուաչնոն Տովետա Ասատուրյանա // Իստորիկո-ֆիլոլոգիկոսկի յուրնալ. 1996. № 1-2. Տ. 153-168) (նա արմ. յա.)
13. Գրիգորյան Շ., Հայ հին գուսանական երգեր, Երևան, ՀՍՄՀ ԳԱ հրատ., 1971, 240 էջ (Գրիգորյան Ս. Դրենարմանիկա գուսանիկա Քսնի. Երևան : Իզդատելստվո ԱՆ Արմ. ՏՏՐ, 1971. 240 Տ.) (նա արմ. յա.)
14. Գրիգորյան Շ., Ո՛վ է, ի վերջոն, Նահապետ Քուչակը, Լրաքեր հասարակական գիտությունների, Երևան, 1984, № 7, էջ 34-42 (Գրիգորյան Ս. Կոնոն յե, վ կոնոնոն, Նապետ Կուչակ? // Վեստնիկ ոնոստեննոն յաւա. 1984. № 7. Տ. 34-42) (նա արմ. յա.)
15. Գրիգորյան Շ., Ո՛վ է իրականում Նահապետ Քուչակը, Բազմավեպ, Վենետիկ, 2000, ՃՕԸ 1-4, էջ 231-246 (Գրիգորյան Ս. Կոնոն յե նա Տովետա Ասատուրյան Կուչակ? // Բազմավեպ. 2000. № 1-4. Տ. 231-246) (նա արմ. յա.)
16. Գրիգորյան Շ., Հայ աշուղական գրականության պատմություն, Երևան, Չանգակ-97, 2003, էջ 76-102 (Գրիգորյան Ս. Իստորիա արմանիկոսկի աշուղական յաւադուրա. Երևան : Յանգակ-97, 2003. Տ. 76-102) (նա արմ. յա.)
17. Ասիրեան Խ., Թուրքալեզու հայ աշուղներ. Օսմանյան Կայսրություն. 16-20րդ դարեր, Փարիզ, 1993, 191 էջ (Ասիրյան Խ. Կուրկոյաչնիկա արմանիկոսկի աշուղն: Օսմանիկա յաւադուրա: ՄՄԻ-ՄՄ յա. Քարիյ, 1993. 191 Տ.) (նա արմ. յա.)
18. Գանձարան հայ հին բանաստեղծության, աշխ. Պ. Խաչատրյանի, Երևան, «Հայգիտակ», 2000, 992 էջ (Տոկրուվնիկա արմանիկոսկի յաւադուրա / Տովետ. Ս. Խաչատրյան. Երևան : Այգիտակ, 2000. 992 Տ.) (նա արմ. յա.)
19. Եղիազարյան Վ., Հարեններ, Վանաձոր, ՍԻՄ տպագրատուն, 2007, 240 էջ (Եգիազարյան Վ. Աւրենի. Վանաձոր 2007. 240 Տ.) (նա արմ. յա.)
20. Եղիազարյան Վ., Քուչակյան թուրիմացություն, թե՛ անիմացություն, Գրական թերթ, 2008, 25 հունվարի (Եգիազարյան Վ. Կուչակոսկի ոնոստեննոն յաւադուրա յաւադուրա? // Լիտերատուրնա յաւադուրա. 2008. 25 յանվարյան) (նա արմ. յա.)
21. Եղիազարյան Վ., Նահապետ Քուչակը և նրա անունով մեզ հասած երգերը, Գրականագիտական հանդես, ԺԵ, 2016, էջ 16-43 (Եգիազարյան Վ. Նապետ Կուչակ և յոսեձիկա յոնոստեննոն յաւադուրա յաւադուրա // Լիտերատուրոլոգիկոսկի յուրնալ. 2016. № 18. Տ. 16-43) (նա արմ. յա.)
22. Քսնի յաւադուրա / Քեր. Ա. Ամբարձուրյան. ՏՔԵ., 1904. 32 Տ.
23. Նապետ Կուչակ. Տիտոտվերոնիա / Քեր. Ալ.Ալ. Տեղանոն; Քրեդիսլ. Մ. Մքրյան. Երևան : Արմգիզ, 1941. 38 Տ.
24. Տոն ոնոստեննոն աւրեն / Քրեդիսլ., Տովետ., յոստրոչնիկա Քեր. Ս. Մքրձուրյան. Երևան : Տոնետակոն գրոս, 1976. 268 Տ.
25. Հարությունյան Ս., Հայ առասպելաբանություն, Բեյրութ, Համագրաչիկի Վահե Սեթյան, 2000, 527 էջ (Արություն Տ. Արմանիկա միլոլոգիա. Բեյրութ : Ամաչաիկոն Վաե Տեթյան, 2000. 527 Տ.) (նա արմ. յա.)

References

1. Tevkants, A. (1882) *Hayrens, melody, rhyme and song*. Tiflis. (In Armenian).
2. Chopanyan, A. (1902) *Nahapet Kuchak's anthology*. Paris. (In Armenian).
3. Kuchak, N. (1957) *Collection of hayrens*. Yerevan: Haypethrat. pp. 3–35. (In Armenian).
4. Mkryan, M. (1976) Nahapet Kuchak. In: *Prominent figures of Armenian culture V-XVIII centuries*. Yerevan: YSU. pp. 464–476. (In Armenian).
5. Abeghyan, M. (1967) *Works*. Vol. 2. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR. (In Armenian).
6. Mnatsakanyan, As. (1958) About hayrens and Nahapet Kuchak. *Patma-banasirakan handes*. 2. pp. 234–257. (In Armenian).
7. Mnatsakanyan, As. (1971) The first collection of medieval love hayrens and the problem of hayrens. In: *Pages of history and philology of the Armenian people*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR. pp. 96–126. (In Armenian).
8. Mnatsakanyan, A. (ed.) (1995) *Hayrens*. Yerevan: Nairi. pp. 8–40. (In Armenian).
9. Eganyan, O. (1960) Armenian-letters Turkish taghs of Nahapet Kuchak. *Banber Matenadarani*. 5. pp. 465–481. (In Armenian).
10. Sevak, P. (1987) *Sayat-Nova*. Yerevan: Sovetakan Grogh. p. 110. (In Armenian).
11. Harutyunyan, S. (1982) Nahapet Kuchak. In: *Armenian Soviet Encyclopedia*. Vol. 8. Yerevan: Council of Ministers of the Armenian SSR. pp. 172–173. (In Armenian).
12. Harutyunyan, S. (1996) The problem of hayrens and the new scientific gathering of Asatur Mnatsakanyan. *Patma-banasirakan handes*. 1–2. pp. 153–168. (In Armenian).
13. Grigoryan, Sh. (1971) *Ancient Armenian minstrel songs*. Yerevan: Academy of Sciences of the Armenian SSR. (In Armenian).
14. Grigoryan, Sh. (1984) Who is eventually Nahapet Kuchak? *Lraber hasarakakan gituyunneri*. 7. pp. 34–42. (In Armenian).
15. Grigoryan, Sh. (2000) Who is actually Nahapet Kuchak? *Bazmavep*. Venice. 1–4. pp. 231–246. (In Armenian).
16. Grigoryan, Sh. (1993) *History of Armenian ashough literature*. Yerevan: Zangak-97. pp. 76–102. (In Armenian).
17. Amiryanyan Kh. (1993) *Turkish-speaking Armenian ashughs. Ottoman Empire. 16th–20th centuries*. Paris. (In Armenian).
18. Khachatryan, P. (ed.) *Treasury of ancient Armenian poetry*. Yerevan: Haygitak. (In Armenian).
19. Eghiazaryan, V. (2007) *Hayrens*. Vanadzor: SIM. (In Armenian).
20. Eghiazaryan, V. (2008) Kuchak misunderstanding or ignorance? *Grakan tert*. 25 January. (In Armenian).
21. Eghiazaryan, V. (2016) Nahapet Kuchak and the songs that have come down to us in his name. *Grakanagitakan handes*. 18. pp. 16–43. (In Armenian).
22. Anon. (1904) *Pesni lyubvi* [Love songs]. Translated by A. Ambartsumyan. St. Petersburg.
23. Kuchak, N. (1941) *Stikhotvoreniya* [Poems]. Translated by Al. Stepane. Yerevan.
24. Mkrtchyan, F. (comp.) (1976) *One Hundred and One Hayren*. Yerevan. (In Russian).
25. Harutyunyan, S. (2000) *Armenian Mythology*. Beirut: Hamazkayini Vahe Setian. (In Armenian).

Информация об авторах:

Егниазарян В.А. – д-р филол. наук, профессор, Институт литературы НАН РА (Ереван, Армения); Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (Ванадзор, Армения). E-mail: vano.eghiazaryan@mail.ru

Тадевосян Т.В. – канд. филол. наук, доцент, Ванадзорский государственный университет имени О. Туманяна (Ванадзор, Армения). E-mail: tadevosyantad8@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Yeghiazaryan, Dr. Sci. (Philology), professor, NAS RA Institute of Literature (Yerevan, Armenia); Vanadzor State University named after H. Toumanyan (Vanadzor, Armenia). E-mail: vano.exiazaryan@mail.ru

T.V. Tadevosyan, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Vanadzor State University named after H. Toumanyan (Vanadzor, Armenia). E-mail: tadevosyantad8@gmail.com

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 27.03.2023;
одобрена после рецензирования 21.12.2023; принята к публикации 13.01.2025.*

*The article was submitted 27.03.2023;
approved after reviewing 21.12.2023; accepted for publication 13.01.2025.*